

Вырезка из газеты Прямая коммуна

от 22 МАР 1939

Чистополь, Татарская АССР Газета №

Забота о кадрах по-артемьевски и по-куприяновски

Осенью 1939 года я начал работать в Чистопольском театре. Вскоре Управление по делам искусств (после ухода из театра худрука) поручило мне открыть театральный сезон пьесой „Падь серебряная“. Работа шла прекрасно.

Первый спектакль имел большой успех. После него был устроен товарищеский вечер. Представители партийных и общественных организаций выступили с поздравлениями, отмечая хорошие результаты моего руководства коллективом в качестве режиссера. От молодежи и комсомольцев театра выступил артист тов. Черняев, который благодарил меня за хорошую и интересную работу с молодежью.

Так бы все хорошо и шло, но... в театре находился также и Артемьев, ныне художественный руководитель.

Он, повидимому, плохо переваривал этот успех и поздравления, направленные по моему адресу, сразу же становится вдохновителем скрытой, а потом и явной компании против режиссера. Следующую постановку — французскую комедию „Похищение Елены“ он пытается заменить другой комедией, для работы над пьесой „Похищение Елены“ не оказывается помещения для репетиций, потом хождение в поисках помещения и т. д. Но вот льеса должна наконец зазвучать... новгородная выливка на квартире Артемьева... коллектив театра „подработал“ против ре-

жиссера. В день генеральной репетиции и обсуждения пьесы он не сидит на месте. В углях шопот:

— Мухин допускает формализм...

— Мухин—не режиссер...

— Мухин.. Мухин... Мухин...

Артемьев ликует. Сыплют-ся реплики:

— Красной нити нет!

Люди ходят деревянные!

Музыки не надо! Красную

нить! Искать красную нить!

Он втянул в компанию против Мухина молодежь театра. Разве так воспитывают кадры? Их выращивают не за бутылкой вина, не в компаниях против отдельных работников театра, не в шептаниях по углам.

...День генеральной репетиции и обсуждение пьесы „Павел Греков“... Всем руководит Артемьев. Об исполнителях главных ролей — Протасовой и Мухине — ни слова. Он воздает похвалы самому себе и созданному им спектаклю, Протасову, пытавшуюся говорить, грубо обрывает: — Бузотерка!..

— Пусть Артемьев говорит...

А ведь в пьесе „Павел Греков“ допущено немало ошибок, в том числе и политических.

...— Но всетаки Мухины в театре. Надо избавиться от них!.. Но как?.. За прогул?—нельзя... За плохое отношение к работе?—нельзя... Ведь сами только что представили их к награде к XX-летию ТАССР... Это еще не значит, что все потеряно—создать им такие условия, чтобы сами ушли.

И началась работа. На-

чали с мелочей—не берет. Оклеветали жену—не действует. Дали в постановке пьесе „Простая девушка“ за четыре дня до репетиции—срезается. Нет не берет, дабы осложнить работу, настроили очередности при 16 репетициях и, наконец, наставили при распределении ролей тех артистов, которые при моем разрешении спектакля не отвечают — оспаривать не смей. И в заключение решили отобрать творческую инициативу постановщика... Взяло!

Я вынужден был подать заявление об уходе, мотивируя его „созданными невозможными условиями для работы“.

Артемьев доволен. Он купается в розовых лепестках блаженства.

С женой обошлись проще—„уволить за оскорбление работников театра“, хотя такого закона и нет, но Куприянову до этого мало горя.

Казалось бы, все кончилось. Нет—не совсем. Мало, что из театра выжили, надо еще Мухина и из города выжить. Куприянов и Артемьев решили нам запретить вход в театр.

Недавно, я договорился о работе в клубе речников, но Куприянов добивался того, что бы мне и туда был запрещен доступ.

Куприянов и Артемьев забыли о кадрах, о заботе к ним, потеряв всякий стыд и элементарные человеческие чувства в погоне за достижением своих личных целей.

Артист Петр Мухин.

Чистопольский театр. Мухин. Артемьев. Куприянов.